

*Амаринд Винчили
Бангкокский дворец
6 марта 1869 г.*

*Миссис А.Т. Леонуэнс
Чью-Йорк*

Дорогая мадам!

С превеликим удовольствием я достаиваю ответом Ваше письмо от 25 ноября минувшего года, в котором Вы с благоговением изливаете печаль своего сердца в связи с кончиной моего возлюбленного державного отца. Для меня это невыразимая потеря, от которой я по сей день не оправился и оправлюсь не скоро, буду скорбеть с почтением и горечью, покоряясь воле божественного Провидения. И очень благородно с Вашей стороны, что Вы из симпатии к Вашим ученикам королевской крови разделяете с ними их горе и по-доброму упоминаете их в своем письме. Они тоже ценят Вас за ту любовь и уважение, с какими Вы относитесь к ним, за то, что бескорыстно делились с ними знаниями во время Вашего пребывания у нас. Также я имею удовольствие сообщить, что Совет нашего правительства возложил на меня, невзирая на мою молодость, монаршие полномочия, и мне радостно, что народ питает ко мне любовь,

вне сомнения, из уважения и благоговейного почтения к моему возлюбленному державному отцу, и я надеюсь, что моими стараниями они будут жить в процветании и мире, как и при прежнем правителе.

Да сопутствуют Вам и Вашим возлюбленным детям мир и покой божественного Провидения.

Остаюсь искренне Ваш,

*Сомдеч Пхра Чулалонгкорн Клао Чао Ю Хуа
Верховный король Сиам
в 114-й день своего правления*

*Адресовано
МИССИС КЭПРИЧ С. КОБЪ*

*Дорогой друг, я не спросила у Вас дозволения посвя-
тить Вам сии страницы о моем пребывании в самом
сердце королевского двора одного из азиатских госу-
дарств, но уверена, Вы будете снисходительны, узнав,
что Ваше имя я начертала здесь с одной-единственной
целью: выразить Вам свою глубочайшую признатель-
ность за Вашу доброту. Столь трогательно апеллируя
в интересах моих детей, Вы настояли на том, чтобы
я не возвращалась в Сиам, а попробовала свои силы в Ва-
шей стране.*

*Я хотела бы, чтобы мой дар был более достоин Ва-
шего внимания. Но для меня воистину большая честь
и награда связать Ваше имя с этим трудом, на созда-
ние которого меня вдохновило Ваше сердечное участие.
В нем со всей учтивостью я шаг за шагом излагаю свои
даже самые печальные воспоминания, хотя теперь купа-
юсь в счастье — в счастье, которым я обязана щедрой
дружбе великодушных американских женщин.*

*С искренней любовью, с благодарностью и восхи-
щением,*

Ваш преданный друг,

А. Т. Л.

26 июля 1870 г.

Предисловие

Его Величество Верховный король Сиама Сомдеч Пхра Парамендр Маха Монгкут попросил найти в Сингапуре англичанку, которая могла бы заняться обучением его детей, сообщили мне друзья. Поначалу я с большой неохотой согласилась обдумать такую перспективу; но, как ни странно это может показаться, чем больше я размышляла, тем более осуществимым казалось мне само это предприятие. Наконец настал такой момент, когда я загорелась энтузиазмом, и мне уже не терпелось поскорее ступить на неведомое новое поприще.

Консул Сиама в Сингапуре, достопочтенный В. Тан Ким Чинг, в письме к сиамскому двору всячески рекомендовал меня, и в ответ я получила от самого короля письмо следующего содержания:

*Бангкок. Большой королевский дворец
26 февраля 1862 г.
(по англ. летоисчислению)*

*Кому: Миссис А. Т. Леонуэнс
Мадам, мы весьма довольны и в своем сердце крайне
удовлетворены, что Вы изъявили желание заняться об-*

учением наших возлюбленных королевских детей. И мы надеемся, что, делаясь знаниями с нами и нашими детьми (жителями невежественной страны, по определению англичан), Вы направите свои усилия на преподавание английского языка, наук и литературы, а не на проповедование христианства; ибо последователям Будды прекрасно известно, сколь велика сила истины и добродетели, — не хуже, чем последователям Христа, — и они более жаждут освоить английский язык и английскую литературу, нежели догматы новых религий.

Мы берем на себя смелость пригласить Вас в наш королевский дворец, дабы Вы приложили все свои силы и таланты для обучения нас и наших детей. Вашего появления здесь будем ждать с возвращением сиамского парохода «Мао пхья».

Г-н Уильям Адамсон и наш консул в Сингапуре призваны наилучшим образом устроить все необходимые приготовления в Ваших и наших интересах, о чем они уведомлены письменно.

Искренне Ваш,

Рок Сиамский С. С. Я. Я. Маха Монгкут

За неделю до отъезда в Бангкок мне нанесли визит капитан парохода «Радуга» и его первый помощник. Один из сих джентльменов несколько лет находился на службе у правительства Сиама, и теперь они пришли предупредить меня об испытаниях и опасностях, с которыми мне неизбежно придется столкнуться в ходе моего смелого предприятия. Как бы они меня ни пугали, отступать было поздно, но я никогда не забуду великодушного порыва этих благородных моряков.

— Мадам, — сказали они, — мы люди посторонние, но все же примите наш совет: откажитесь от этой безумной затеи, ибо впереди вас ждет немало страданий.

Ближайшим пароходом я отплыла ко двору короля Сиама.

На следующих страницах я попыталась со всей правдивостью подробно изложить события, описать атмосферу и характеры, которые постепенно проявлялись передо мной, по мере того как я начинала понимать местный язык и всякими иными способами получать более ясное представление о тайной жизни королевского двора. Мне было радостно узнать, что даже в этой цитадели буддизма люди, и прежде всего женщины, чудесные в своем существовании, беззаветно посвятили себя поиску истины, хотя в обществе, где правит коррупция, где они вынуждены покоряться капризной и зачастую жестокой власти, им постоянно приходится преодолевать серьезные трудности. С другой стороны, с сожалением и стыдом должна признать, что мы, при всей нашей хваленой просвещенности, в благородстве и благочестии заметно уступаем некоторым из наших невежественных сестер Востока. Для многих из них Любовь, Истина и Мудрость — не пустые слова, а подлинные божества, которых они жаждут обрести со всем присущим им пылом, и, когда находят, обнимают с ликованием.

Те из моих читателей, кого, возможно, заинтересовали восхитительные руины, недавно обнаруженные в Камбодже, в долгу перед путешественниками г-ном Анри Муо¹, доктором А. Бастианом² и талантливым

---

¹ *Анри Муо* (1826–1861) — французский естествоиспытатель и путешественник. Более всего известен тем, что «открыл» для Европы и популяризировал на Западе кхмерский храмовый комплекс Ангкор-Ват. (*Здесь и далее примечания переводчика, если не указано другое.*)

² *Адольф Бастиан* (1826–1905) — немецкий этнограф, путешественник и философ.

английским фотографом Джоном Томсоном¹, — почти в той же мере, что и передо мной.

Я безмерно благодарна почтенному Джорджу Уильяму Кертису² из Нью-Йорка и всем моим верным друзьям, проживающим как в США, так и за их пределами.

И, наконец, я должна выразить глубочайшую признательность доктору Дж. У. Палмеру. Опытный компетентный литератор, он оказал мне неоценимую услугу, отредактировав и подготовив к печати мою рукопись.

А. Г. Л.

---

¹ *Джон Томсон* (1837–1921) — шотландский фотограф, одна из ключевых фигур документальной фотографии XIX в. Известен своими долгими путешествиями и масштабными съемками в Индии, Сиаме (ныне Таиланд), Камбодже и Китае.

² *Джордж Уильям Кертис* (1824–1892) — американский писатель и общественный деятель, редактор журнала «Harper's Weekly». Многие его произведения («Potifar Papers», «Lotus eating» и др.) — это сатира на общество США.

ГЛАВА I

В ПРЕДДВЕРИИ

15 марта 1862 г.

*На борту небольшого сиамского парохода
«Чао Пхья» в Сиамском заливе.*

Явсталась до восхода солнца и выбежала на палубу. Мне не терпелось увидеть далекие очертания неведомой земли, к которой мы приближались; и, пока я с жадностью всматривалась вдаль, — не чрез дымку и туман, а прямо сквозь прозрачный незамутненный перламутровый эфир, — небо на горизонте подернулось слабым румянцем утренней зари, и из-за розовой вуали смело засиял желанный лик — радостный, восхитительный, в пылающем ореоле оранжевой бахромы с золотисто-янтарной окаемкой, — и от него по всей небесной шире расплылась причудливая паутина постепенно бледнеющих цветных нитей. Мартовское утро в тропиках — умиротворяющее, благостное зрелище, столь же душевное, как июльский рассвет в моем родном менее жарком краю; но чудесную картину затмило воспоминание о том, как недавно мою шею, будто путы, обви-

вали две пухлые нежные ручонки с маленькими ладошками в ямочках, тщетно пытавшиеся удержать маму; и, подобно нашему судну, по которому прокатилась нервная дрожь, когда оно с резким толчком встало на якорь, я, содрогнувшись от потрясения, вернулась в суровую действительность.

— Чтобы перебраться через отмель, — предупредил капитан, — придется ждать послеполуденного прилива.

Я оставалась на палубе до тех пор, пока удавалось уклоняться от огненных стрел, пронизывавших обтрепанный навес, и терпеть шумливую возню и грубоватые шутки попутчиков — циркачей, которые по приглашению короля ехали удивлять и развлекать королевский двор.

Едва ли менее умными, но куда более забавными были другие наши попутчики — собаки. Все эти животные отличались друг от друга по темпераменту, воспитанию и поведению. Два питомца капитана, Трампет и Джип, по праву своей принадлежности первому лицу на корабле занимали привилегированное положение, забирая себе самые лакомые объедки со стола, и властным рычанием и укусами унижали и запугивали своих более обученных и ловких гостей — цирковых собак. Была еще наша верная Бесси (ньюфаундленд) — большая собака, замечательная, степенная, разборчивая, с чувством собственного достоинства; ее не заставишь лестью и обманом общаться доверительно, по-простому, с незнакомыми собаками, кто бы ни были их хозяева — важные особы или комедианты. Выражение ее добродушной морды вполне человеческое. Несомненно, она бесконечно предана нам, и у нее сильно развито чувство ответственности: она ни на шаг не отставала от нас с сыном, сердцем истолковывая мысли, которые

читала на наших лицах, и отвечая нам сочувственным взглядом.

После полудня, обедая на палубе, мы хорошо видели землю, и теперь, когда поднялся прилив, наше судно заскользило к прекрасной реке Менам («Матерь вод»). Воздух пронизывало сияние, картина ожила, пришла в движение. Деревья *вырастали* по берегам, зелени становилось больше и больше, перескакивали с ветки на ветку обезьяны, в зарослях то и дело мелькали щебечущие птицы.

Во время отлива красновато-бурая река мелеет, но судно средней загруженности с опытным лоцманом вполне может бросить якорь на глубине десяти-двенадцати фатомов¹ в самом сердце столицы.

В мире найдется мало рек, столь глубоководных, широких и безопасных, как Менам; и в пору нашего прибытия местные власти подумывали о том, чтобы установить на отмели сигнальные буи, а также маяк для судов, входящих в порт Бангкока. Как и многие большие реки Азии, Менам богата разнообразной рыбой, но особенно она славится *плату* (разновидность сардин). Здесь эта рыба водится в изобилии и стоит так дешево, что в рационе трудового люда обычно дополняет традиционную чашку риса. Сиамцам известно множество способов сушения и засолки рыбы всех видов, и ее в больших количествах ежегодно экспортируют на Яву, Суматру, Малакку и в Китай.

Спустя полчаса после того, как берега реки в ярко-зеленом одеянии приняли нас в свои прекрасные объятия, мы бросили якорь напротив невзрачного,

---

¹ *Фатом* — единица длины в английской системе мер, равная 6 футам, 2 ярдам или 1,828 метра. Используется в основном в морском деле для измерения глубины. 10 фатомов = 18,288 метра, 12 фатомов = 21,9456 метра.